

Гомер

Одиссея

Все 24 песни в современном
литературном пересказе

Пересказ и литературная адаптация:

Мара Леванти

Мара Леванти

**Одиссея. Все 24
песни в современном
литературном пересказе**

«Автор»

2026

Леванти М.

Одиссея. Все 24 песни в современном литературном пересказе /
М. Леванти — «Автор», 2026

Авторский прозаический пересказ поэмы Гомера «Одиссея» современным русским языком. Книга последовательно охватывает все двадцать четыре песни оригинала, сохраняя основные события, персонажей и порядок повествования. Стихотворная форма, традиционные повторы и часть второстепенных подробностей сокращены. Сцены, диалоги и описания развёрнуты для цельного литературного чтения. Издание не является дословным переводом или воспроизведением какого-либо существующего русского перевода. Автор оригинального произведения: Гомер. Пересказ и литературная адаптация: Мара Леванти.

© Леванти М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

До начала странствий	5
Песнь первая. Дом без хозяина	7
Песнь вторая. Первый шаг Телемаха	10
Песнь третья. В гостях у Нестора	13
Песнь четвёртая. Вести из Спарты	15
Песнь пятая. Плот на открытом море	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мара Леванти

Одиссея. Все 24 песни в современном литературном пересказе

До начала странствий

Десять лет греки осаждали Трою, богатый город на малоазийском берегу, и ещё десять лет один из их царей пытался вернуться домой. Его звали Одиссей. Он правил небольшим островом Итака, не славился ни огромным войском, ни несметными сокровищами, зато умел видеть выход там, где другие видели только стену. За этот дар его уважали друзья, боялись враги и не всегда прощали боги.

История войны началась задолго до того, как Одиссей ступил на троянскую землю. Парис, сын царя Трои Приама, приехал в Спарту и увёз с собой Елену, жену царя Менелая. Одни говорили, что она бежала по собственной воле, другие утверждали, что Парис её похитил. Для греческих царей это различие уже не имело значения. Менелай потребовал вернуть жену и честь своего дома. Его брат Агамемнон собрал войско. К Трое отправились десятки кораблей, а вместе с ними люди, чьи имена потом стали частью легенд: стремительный Ахилл, могучий Аякс, старый Нестор, осторожный Диомед, искусный лучник Филоктет и Одиссей, царь Итаки.

Одиссей не стремился на войну. Дома у него оставались молодая жена Пенелопа и новорождённый сын Телемах. По поздним преданиям, когда за ним пришли посланники Агамемнона, он попытался притвориться безумным: запряг в плуг разных животных и начал сеять соль. Но хитрость разгадали. Перед плугом положили младенца Телемаха, и Одиссей остановил животных. Человек, который заботится о сыне, не безумен. Так его вынудили исполнить прежнюю клятву и присоединиться к походу.

Война оказалась совсем не похожа на быструю экспедицию, которую многие представляли перед отплытием. Троя стояла за высокими стенами. Её защищали опытные воины, а союзники прибывали из далёких земель. Греки строили укреплённый лагерь у моря, совершали набеги, теряли людей, спорили между собой и каждую зиму обещали, что следующая весна станет последней.

Одиссей редко был первым в открытом бою, но без него войско не раз могло распасться. Он вёл переговоры, примирял вождей, проникал в город под чужим обликом, добывал сведения и придумывал планы, которые казались невозможными до тех пор, пока не срабатывали. Когда Ахилл отказался сражаться после ссоры с Агамемноном, Одиссей был среди тех, кто пытался вернуть его. Когда понадобилось тайно пробраться в троянский лагерь, он отправился вместе с Диомедом. Когда стало ясно, что стены нельзя взять силой, именно хитрость решила исход войны.

Греки построили огромного деревянного коня. Лучшие воины спрятались внутри, а остальное войско сожгло лагерь и отвело корабли за ближайший остров, будто отказавшись от осады. На берегу оставили человека, который убедил троянцев, что конь посвящён богине Афине и принесёт городу защиту. Не все поверили. Жрец Лаокоон предупреждал сограждан, что нельзя доверять дарам врага. Пророчица Кассандра говорила о гибели. Но после десяти лет осады людям хотелось поверить в победу сильнее, чем в дурные знаки.

Коня втащили в город. Ночью спрятавшиеся в нём воины выбрались наружу, перебили стражу и открыли ворота. Греческие корабли вернулись. Троя пала в огне.

Победа не принесла грекам мира. В ночь разграбления города было совершено слишком много святотатств. Храмы не защитили тех, кто искал у алтарей убежища. Победители

забыли, что даже враги находятся под властью законов богов. Одни греческие корабли погибли в буре сразу после отплытия, другие разметало по разным берегам. Царь Агамемнон добрался домой, но был убит в собственном дворце. Менелай много лет скитался, прежде чем вернулся в Спарту. Малый Аякс погиб в море. Некоторым не суждено было снова увидеть родную землю.

Одиссей отплыл от Трои на двенадцати кораблях. Он думал, что путь к Итаке займёт несколько недель. Его люди думали о домах, виноградниках, родителях, жёнах и детях, которых оставили десять лет назад. Никто из них не знал, что назад вернётся только один.

На Итаке время тоже не стояло. Телемах вырос, не зная отца. Пенелопа год за годом ждала вести. Старый Лаэрт, отец Одиссея, покинул дворец и жил в деревне, ухаживая за садом. Сначала островитяне верили, что их царь задержался из-за войны. Потом начали говорить о кораблекрушении. Затем к Пенелопе стали приходить женихи.

Они утверждали, что царская власть не может оставаться без хозяина, а молодая женщина не должна вечно ждать человека, которого, скорее всего, давно нет в живых. Но вместо честного сватовства они поселились во дворце Одиссея, резали его скот, пили его вино и требовали, чтобы Пенелопа выбрала одного из них. Так дом живого царя день за днём превращался в добычу людей, уже поделивших его наследство.

Пока на Итаке зрело насилие, Одиссей боролся с морем, чудовищами и собственной гордостью. Его история начинается не с отплытия от Трои и даже не с первого кораблекрушения. Она начинается тогда, когда от дома его отделяет уже почти весь известный мир, а в его отсутствие сын впервые решается спросить: что можно сделать, если хозяин дома не возвращается, а чужие люди ведут себя так, будто он никогда не вернётся?

Песнь первая. Дом без хозяина

Вечером над Итакой поднялся ветер. Он прошёл по каменным склонам, задел ветви олив и донёс до дворца запах моря. Когда-то этот дом был известен порядком и гостеприимством. Теперь из открытых дверей доносились музыка, хохот и звон чаш.

В большом зале пировали женихи Пенелопы. Они сидели за длинными столами, ели мясо из стад Одиссея и спорили, кому достанется его жена, дворец и власть над островом. Слуги приносили им хлеб, сыр и кувшины с вином. Некоторые служили из страха, некоторые уже привыкли к новым хозяевам, а кое-кто решил, что выгоднее заранее выбрать сторону победителей.

Телемах сидел в стороне. Ему было около двадцати, но рядом с этими людьми он всё ещё чувствовал себя мальчиком, которого никто не обязан слушать. Он видел, как Антиной, самый дерзкий из женихов, бросил кость собаке и потребовал ещё вина. Видел, как Евримах обнял за плечи одного из слуг и громко объявил, что скоро в доме наконец появится настоящий хозяин. Слова были произнесены будто в шутку, но все поняли, кого Евримах не считает хозяином.

Телемах сжал край плаща. В воображении он часто представлял, как отец входит в зал. Не старый и измученный, а такой, каким его описывали ветераны: крепкий, спокойный, способный одним взглядом заставить спорящих замолчать. В этих мечтах женихи бледнели и вставали из-за столов. В действительности дверь снова открылась, но на пороге стоял незнакомец.

Это была Афина, принявшая облик Ментеса, царя тафийцев и давнего друга Одиссея. Для смертных она выглядела как вооружённый путешественник средних лет, покрытый дорожной пылью. Никто из женихов не поднялся навстречу гостю. Телемах заметил его первым и устыдился, что человек вынужден стоять у двери.

Он быстро подошёл к незнакомцу.

— Добро пожаловать, — сказал Телемах. — Сначала раздели с нами ужин, а потом расскажешь, кто ты и зачем прибыл.

Он взял у гостя копье, поставил его в оружейную стойку и провёл Ментеса к месту подальше от шумной компании. Служанка принесла воду для омовения рук. На стол поставили хлеб, мясо и чаши. Только когда гость поел, Телемах наклонился к нему.

— Не суди о нашем доме по тому, что видишь, — тихо сказал он. — Эти люди пришли свататься к моей матери и решили, что имеют право жить за наш счёт. Мой отец пропал. Если бы он вернулся, они предпочли бы быстрые ноги всем своим богатствам.

Ментес внимательно посмотрел на юношу.

— Ты похож на Одиссея, — сказал он. — Особенно взглядом. Я знал его прежде, чем он ушёл под Трою.

Телемах невольно выпрямился.

— Многие говорят, что знали его. Но никто не приносит вестей.

— Я не видел его после войны, — ответил гость. — И всё же не верю, что он погиб. Такой человек не исчезает бесследно. Возможно, его удерживают на далёком острове. Возможно, путь закрыт волей бога. Но сидеть и ждать ты больше не можешь.

Телемах опустил глаза на чашу.

— Что я могу сделать? Их много. За каждым стоят родичи. Если я попытаюсь выгнать их силой, меня убьют.

— Начни не с силы. Завтра созови собрание жителей Итаки. Перед всеми потребуй, чтобы женихи покинули дом. Затем снаряди корабль и отправляйся за вестями. Сначала к Нестору в Пилос, потом к Менелаю в Спарту. Они вернулись из-под Трои и могут знать, что случилось с твоим отцом.

— А если я узнаю, что он мёртв?

— Тогда ты устроишь ему погребальные почести, как подобает сыну, и выдашь мать замуж, если она сама выберет мужа. После этого решишь, как очистить дом. Но пока нет ни тела, ни надёжной вести, твой отец остаётся царём Итаки, а ты обязан защищать его дом.

Телемах долго молчал. Совет был прост, но от него будто менялось пространство вокруг. До этой минуты он думал только о том, как терпеть. Незнакомец предлагал действовать.

В другом конце зала певец Фемий взял кифару и начал песню о возвращении греков из-под Трои. Его голос был чист, но история была печальной: корабли гибли, вожди скитались, жёны ждали напрасно.

Наверху открылась дверь. На лестнице появилась Пенелопа в сопровождении двух служанок. За годы ожидания её красота стала строже. Она держалась прямо, но при первых словах песни лицо её изменилось.

— Фемий, — сказала она, — ты знаешь много песен о богах и героях. Спой другую. Не напоминай мне каждый вечер о том, как мужа не вернулись домой.

Телемах поднялся. Обычно он не спорил с матерью при гостях, но слова Ментеса ещё звучали в нём.

— Мать, певец не виноват в том, о чём поёт. Людям больно слышать правду, но это не делает её запретной. Возвращайся к своим делам. Здесь я распоряжусь сам.

В зале наступила короткая тишина. Пенелопа удивлённо посмотрела на сына. В его голосе впервые прозвучало не раздражение мальчика, а решение взрослого мужчины. Она ничего не ответила и медленно поднялась по лестнице.

Женихи засмеялись, но смех был уже не таким свободным.

— Слышали? — сказал Антиной. — Наш Телемах стал царём.

— Было бы чем править, — добавил Евримах. — Несколькими козами и стариками на площади.

Телемах повернулся к ним.

— Завтра я созову народное собрание. Там и поговорим. А сейчас продолжайте пир. Возможно, это один из последних вечеров, когда вы едите в этом доме без приглашения.

Антиной нахмурился, однако отвечать не стал. Он не привык, чтобы юноша говорил с ним таким тоном.

Телемах вернулся к гостю, но место было пусто. Он вышел во двор и увидел, как Ментес направился к воротам. На мгновение фигура путешественника показалась ему слишком лёгкой, почти сияющей в сумерках. Затем незнакомец исчез.

Телемах понял, что разговаривал не с обычным человеком.

Ночью он долго не спал. Из зала ещё доносились пьяные голоса, потом стихла музыка, закрипели двери, кто-то засмеялся во дворе. Старуха Эвриклея, его бывшая кормилица, принесла светильник и расправила покрывало.

— Ты сегодня другой, — заметила она.

— Завтра я созову собрание.

— Твой дед созывал его. И отец созывал. После его отплытия этого никто не делал.

— Значит, пора.

После исчезновения гостя Телемах не сразу вернулся к пирующим. Он задержался у дверей и посмотрел на дворец так, словно видел его впервые. На стенах висели копья Одиссея, давно покрытые тонким слоем дыма. Рядом стоял щит, который никто не решался взять: не из уважения, а потому, что старое оружие казалось непригодным для пьяной забавы. Всё в доме напоминало о хозяине и одновременно свидетельствовало, как легко память заменяет присутствие.

Фемий закончил песню и осторожно приблизился к юноше.

— Я не хотел причинять боль твоей матери, — сказал певец. — Женихи требуют песен о возвращении. Наверное, им нравится слушать о людях, которые не добрались домой.

— Ты мог бы отказаться.

— Певец без защиты отказывается один раз. После этого его кифара достаётся другому.

Телемах впервые подумал, что не все люди в зале выбрали женихов добровольно. Одни прислуживали из выгоды, другие выживали. Чтобы вернуть дом, мало выгнать врагов. Нужно будет понять, кого судить, а кого освобождать от страха.

Он поднялся в свою комнату. Эвриклея принесла светильник и закрыла дверь. Старуха заметила перемену в его лице, но не стала спрашивать о госте.

— Завтра разбуди меня до рассвета, — попросил Телемах.

— Зачем?

— Я собираюсь впервые сделать то, что женихи не смогут обратить в шутку.

Эвриклея хотела возразить, однако увидела: решение уже принято. Она поправила покрывало так же, как делала, когда он был ребёнком, и вышла.

Телемах лёг, но долго не спал. Он представлял море, Пилос и Спарту, хотя никогда не покидал Итаку. Страх говорил, что корабль может погибнуть, а женихи воспользуются отсутствием. Другой голос отвечал: оставшись, он всё равно день за днём теряет дом. Между опасной дорогой и безопасным бессилием впервые пришлось выбрать дорогу.

Эвриклея хотела расспросить, но Телемах уже отвернулся к стене. Перед ним словно открылась дорога, которой утром ещё не существовало. Она вела за море, к старым товарищам отца, к правде, какой бы она ни оказалась.

А далеко от Итаки, на острове, скрытом от человеческих путей, Одиссей сидел на берегу и смотрел на запад. Каждый день он видел одно и то же море. Каждый день думал о доме. И не знал, что его сын впервые перестал быть просто ожидающим.

Песнь вторая. Первый шаг Телемаха

На рассвете глашатаи прошли по Итаке и созвали жителей на площадь. Старики удивлялись: народное собрание не проводили с тех пор, как Одиссей отплыл на войну. Рыбаки оставляли сети, пастухи спускались с холмов, ремесленники закрывали мастерские. Все хотели узнать, что произошло.

Телемах пришёл с копьём в руке и сел на место отца. От этого простого жеста по толпе прошёл шёпот. Одни увидели в нём законного наследника, другие только слишком молодого человека, пытающегося носить чужую власть.

Первым заговорил старец Египтий. Один его сын ушёл с Одиссеем и не вернулся, другой оказался среди женихов. Он поднял руку и спросил, кто созвал народ и какая беда требует общего совета.

Телемах встал.

Сначала голос его звучал неровно, но затем окреп.

— Беда не пришла на Итаку извне, — сказал он. — Враг не высадился на берег, мор не губит стада, урожай не уничтожен бурей. Мой дом разоряют люди, которых вы все знаете. Они называют себя женихами моей матери, но не идут к её отцу и не предлагают брачного дара, как велит обычай. Они поселились во дворце, каждый день режут наших быков, овец и коз, пьют вино и ждут, пока имущество Одиссея закончится. Я не могу один противостоять им. Поэтому спрашиваю вас: считаете ли вы это справедливым?

Несколько человек опустили глаза. Все знали, что происходит. Многие осуждали женихов дома, но на площади молчали: среди нарушителей были сыновья влиятельных семей.

Антиной выступил вперёд.

— Телемах говорит только половину правды. Мы не виноваты, что его мать три года обманывала нас. Пенелопа обещала выбрать мужа, когда закончит погребальное покрывало для старого Лаэрта. Днём она ткала, а ночью распускала сделанное. Одна из служанок раскрыла обман. Пусть Пенелопа наконец выберет. Тогда мы уйдём.

— Уйдите сейчас, — ответил Телемах. — Сватайтесь честно из собственных домов. Не превращайте ухаживание в грабёж.

— Ты хочешь выставить мать? — спросил Антиной. — Отправь её к отцу. Пусть он решает, за кого выдать дочь.

— Я не стану выгонять женщину, которая родила и воспитала меня. И не отдам её силой человеку, которого она не выбрала.

Спор становился всё громче. Тогда Телемах поднял руки к небу и призвал Зевса быть свидетелем несправедливости. Над площадью пролетели два орла. Они кружили низко, сцепившись когтями и скрылись над городскими крышами.

Прорицатель Галитерс, старый друг Одиссея, истолковал знак:

— Одиссей близко. Женихам грозит гибель, если они не остановятся.

Евримах рассмеялся.

— Орлы летят туда, куда им хочется, а старики видят в этом то, что им выгодно. Если ты продолжишь пугать людей сказками, Галитерс, тебе самому придётся пожалеть.

Телемах понял, что собрание не даст ему поддержки. Итака была полна людей, которые надеялись, что кто-то другой первым выступит против сильных семей.

— Тогда слушайте хотя бы моё решение, — сказал он. — Дайте мне корабль и двадцать гребцов. Я отправлюсь в Пилос и Спарту за вестями об отце. Если узнаю, что он жив, буду ждать ещё год. Если узнаю, что погиб, вернусь, устрою поминальные обряды и позволю матери сделать выбор.

Ментор, которому Одиссей перед отплытием доверил дом, поддержал юношу и пристыдил жителей за молчание. Но один из женихов ответил, что корабль Телемаху никто не даст. На этом собрание распалось.

Телемах ушёл к берегу. Он стоял у воды, сердясь на себя за надежду, что достаточно сказать правду вслух и люди сразу встанут рядом. Афина снова появилась перед ним, теперь в облике Ментора.

— Ты сделал первый шаг, — сказала она. — Не все дороги открываются после одной речи. Возвращайся домой, подготовь припасы и никому не говори о времени отплытия. Корабль и людей я найду.

Телемах узнал голос и больше не сомневался, кто перед ним.

Во дворце женихи уже обсуждали собрание. Они шутили, что Телемах отправится на поиски отца и сам пропадёт в море. Антиной предложил дать ему старую лодку, чтобы волны быстрее избавили их от наследника. Телемах прошёл мимо, не отвечая.

Он спустился в кладовые вместе с Эвриклеей. Там хранились кувшины с вином, масло, зерно, оружие и ткани, накопленные ещё при Одиссее. Телемах велел наполнить двенадцать амфор вином и приготовить мешки муки.

— Куда ты собираешься? — испугалась кормилица. — Если женихи узнают, они убьют тебя в море. А мать не переживёт ещё одной потери.

— Я должен узнать правду. Поклянись молчать одиннадцать или двенадцать дней. Если я не вернусь, тогда скажешь матери.

Эвриклея заплакала и стала убеждать его остаться. Но, увидев, что решение принято, поклялась хранить тайну.

Тем временем Афина, приняв облик Телемаха, обошла город и собрала молодых гребцов. Она нашла быстрый корабль у Ноэмона, который согласился одолжить его для путешествия. К вечеру судно спустили на воду, поставили мачту и погрузили припасы.

Женихи продолжали пировать. Афина навела на них тяжёлую сонливость. Чаши выпали из рук, слова становились невнятными. Один за другим они разошлись по комнатам и чужим домам.

Когда огни Итаки стали маленькими, один из гребцов спросил Телемаха, бывал ли он раньше в открытом море. Юноша мог соврать, чтобы сохранить достоинство, но ответил честно:

— Никогда.

Мужчина показал, как держаться при качке и где лечь, если начнётся буря. Остальные не смеялись. За пределами дворца имя отца всё ещё открывало двери, но здесь уважение нужно было подтверждать готовностью учиться.

Афина в облике Ментора стояла у мачты. Она распределяла работу так уверенно, что моряки выполняли приказание, не задавая вопросов. Телемах наблюдал и пытался запомнить: хороший руководитель говорит ровно столько, сколько нужно для действия. Женихи кричали громко, потому что им требовалось постоянно доказывать власть. Ментор не повышал голоса.

Ночью юноша достал из сумы хлеб, но не смог есть. Он думал о Пенелопе. К утру мать обнаружит пустую комнату. Она решит, что море забирает у неё второго мужчину. Телемах ощущал вину, однако понимал, что предупреди он заранее, слёзы и страх остановили бы путешествие.

— Иногда приходится причинить близкому короткую боль, чтобы не оставить его в долгом несчастье, — сказал Ментор, словно услышав мысли.

— Ты легко это говоришь.

— Я не говорю, что решение доброе. Я говорю, что у тебя не было безболезненного решения.

Ветер крепчал, парус тянул судно на запад. Телемах впервые увидел Итаку не центром мира, а тёмной полосой среди других земель. Эта мысль пугала и освобождала. Женихи казались огромной силой, пока занимали весь знакомый ему дом. В море они становились группой людей на маленьком острове, и против них, возможно, существовали способы, которых он ещё не знал.

Телемах тихо вышел из дворца. У берега его ждали двадцать человек и Ментор. Юноша ступил на корабль, сам не веря, что всё получилось. Гребцы оттолкнулись от земли. Когда судно вышло из бухты, Афина послала попутный ветер. Парус наполнился, и берег Итаки начал удаляться.

Телемах стоял у кормы. Он всю жизнь смотрел на море и думал о человеке, которого оно отняло. Теперь море впервые стало дорогой, а не границей.

Песнь третья. В гостях у Нестора

К утру корабль Телемах подошёл к песчаному берегу Пилоса. На берегу горели костры. Жители города приносили жертвы Посейдону: у моря стояли длинные ряды людей, жрецы разливали вино, быков готовили к закланию, а дым поднимался в чистое небо.

Телемах увидел множество незнакомцев и замедлил шаг.

— Я не знаю, как заговорить с Нестором, — признался он Ментору. — Он старше моего отца и пережил столько войн. Что я ему скажу?

— Человек учится говорить, когда есть что спросить, — ответила Афина. — Часть слов найдёшь сам, часть вложат тебе в сердце боги. Не прячься за молчанием.

Пилосцы заметили гостей и сразу пригласили их присоединиться к жертвенному пиру. Никто не спрашивал имени, прежде чем предложить место и еду. Так соблюдался древний закон гостеприимства: сначала путнику давали хлеб и кров, потом выясняли, откуда он пришёл.

Нестор сидел среди сыновей. Он был очень стар, но держался прямо, а голос оставался сильным. Рядом с ним находился Писистрат, младший из сыновей. Гостям подали мясо и вино. Ментор совершил возлияние Посейдону, затем передал чашу Телемаху.

Когда трапеза закончилась, Нестор спросил:

— Кто вы? Торговцы, странники или люди, которых море сбilo с пути?

Телемах назвал себя. При имени Одиссея старый царь долго смотрел на него.

— Теперь вижу сходство, — сказал он. — Твой отец умел говорить так, что спор после него казался решённым, даже если до этого половина войска кричала обратное. Зачем ты прибыл?

— Я ищу правду. На Итаке говорят разное. Одни считают, что он погиб, другие надеются на возвращение. Расскажите всё, что знаете, даже если весть тяжёлая.

Нестор вздохнул.

— После падения Трои боги посеяли раздор среди победителей. Агамемнон хотел остаться и принести жертвы Афине. Менелай требовал немедленно отплыть. Войско разделилось. Я ушёл с Менелаем. Вместе с нами сначала плыл и Одиссей. Но у острова Тенедос он повернул назад к Агамемнону. Больше я его не видел.

Старик рассказал о возвращении греков. Одни корабли добрались быстро, другие попали в бури. Менелая отнесло к берегам Египта. Агамемнон вернулся в Микены, где его ждала гибель.

Телемах слышал эту историю прежде, но теперь она прозвучала иначе. Пока Агамемнон воевал, его жена Клитемнестра сблизилась с Эгисфом. Вернувшегося царя убили в собственном доме. Через несколько лет его сын Орест отомстил убийцам.

— Запомни Ореста, — сказал Нестор. — Он был молод, когда потерял отца, но не позволил дому перейти к врагу. Люди будут помнить его поступок. Тебе тоже придётся решать, кем ты станешь.

Телемах почувствовал, что слова старика не утешают, а возлагают на него ещё одну тяжесть.

— Орест знал, кто убил его отца. Я не знаю даже, жив ли мой.

— Поэтому ты поступил правильно, отправившись за сведениями. Я не могу сказать больше. Но Менелай вернулся позже всех и видел многие земли. Возможно, он слышал об Одиссее. Отправляйся в Спарту.

Нестор попросил гостей остаться на ночь во дворце. Ментор отказался, сказав, что должен вернуться к кораблю. Когда он отошёл, Афина приняла облик морского орла и взмыла в небо.

Люди на берегу замерли. Нестор понял, что Телемах сопровождает богиня.

— Великое благоволение, — произнёс он. — Афина помогала твоему отцу под Троей, а теперь идёт рядом с тобой. Значит, ты не оставлен.

Он пообещал принести богине жертву и отвёл Телемаху во дворец. Дом Нестора был полон детей и внуков. Здесь не чувствовалось той напряжённой пустоты, что поселилась на Итаке. За ужином люди говорили о делах, слуги не боялись хозяев, сыновья спорили с отцом без дерзости. Телемах неожиданно понял, что именно потерял его дом. Не только царя и защитника. Исчез человек, вокруг которого семья и остров знали своё место.

Утром Нестор исполнил обещание Афине. После жертвоприношения Телемаху приготовили колесницу. Писистрат должен был сопровождать его в Спарту.

Перед отъездом Нестор положил руку юноше на плечо.

— Я не дам тебе ложной надежды. За столько лет могло случиться всё. Но пока человек ищет истину, он не беспомощен. Беспомощным становится тот, кто предпочитает удобное неведение.

Телемах поблагодарил старика. Они с Писистратом сели в колесницу. Кони рванулись вперёд, и Пилос остался позади.

В дороге Писистрат рассказывал о братьях. Одни уже управляли землями Нестора, другие отвечали за коней, стада и жертвоприношения. Каждый с детства знал, чего от него ждут. Телемах слушал с завистью.

— Тебе легко говорить об обязанностях, — заметил он. — Твой отец сидит за столом и может поправить ошибку. Мой существует только в рассказах. Каждый собеседник описывает другого Одиссея.

— Тогда собери из рассказов то, что повторяется, — ответил Писистрат. — И отбрось то, чем люди украшают собственную память.

Телемах задумался. Нестор говорил об отце как о равном в совете. Женихи называли его погибшим, потому что им это выгодно. Пенелопа помнила мужа, но её любовь защищала образ от перемен. Возможно, искать Одиссея означало не только найти живого человека, но и отделить его от легенды.

На ночлеге в Ферах хозяин Диокл принял путников без расспросов. Телемах уже начал узнавать порядок гостеприимства: вода для рук, еда, место у огня, и только затем вопросы. Он сравнивал эти дома с Итакой, где люди, называющие себя гостями, сначала требовали лучшего мяса, затем спрашивали, когда хозяйка выберет мужа.

Перед сном Писистрат спросил:

— Что сделаешь, если Менелай скажет, что Одиссей мёртв?

Телемах долго молчал.

— Вернусь, совершу обряды и стану хозяином. Но не уверен, что сумею поверить словам. Отсутствие отца стало частью нашей жизни. Даже известие о смерти не заполнит пустое место.

— А если он жив?

— Тогда придётся понять, почему не возвращается.

Эта мысль была труднее. Гораздо удобнее считать отца героем, удерживаемым судьбой, чем человеком, который мог ошибиться, устать или выбрать другую жизнь. Путь к правде требовал готовности услышать не только желаемое.

Дорога шла через поля и холмы. На ночлег путники остановились у Диокла в Ферах, а на следующий день продолжили путь. Писистрат рассказывал о Спарте, о богатстве Менелая и о странных землях, где тот побывал. Телемах слушал и думал, что каждый рассказ об отце неизбежно ведёт к следующему человеку, следующему городу, следующему морю.

Однако теперь он не боялся задавать вопросы.

Песнь четвёртая. Вести из Спарты

Спарту они увидели к вечеру. Город лежал среди плодородной равнины, окружённой горами. Дворец Менелая не был похож на строгий дом Нестора. Внутри блестели бронза и золото, стены отражали свет, на столах стояли сосуды, привезённые из далёких стран. Менелай вернулся из скитаний с богатством, но по его лицу было видно: не всё, что он привёз домой, можно назвать удачей.

Во дворце праздновали сразу две свадьбы. Сын Менелая женился, а дочь отправлялась к мужу. Когда слуга сообщил о двух незнакомых юношах у ворот, один из распорядителей предложил отправить их дальше: дом и без того полон гостей.

Менелай услышал и рассердился.

— Неужели ты забыл, сколько раз чужие люди давали нам кров, когда мы сами скитались по морю? Пусть войдут.

Телемах и Писистрата усадили за стол. Им дали вымыться после дороги, подали мясо, хлеб и вино. Менелай долго разглядывал Телемаха, но не спрашивал имени. В юноше было что-то знакомое: движение бровей, привычка прежде слушать, а затем отвечать, сдержанная настороженность.

— Этот молодой человек напоминает мне Одиссея, — сказал он жене. — Если бы сын Одиссея вырос, он был бы примерно такого возраста.

В зал вошла Елена. Когда-то из-за неё тысячи кораблей пришли к Трое. Теперь она была женщиной, пережившей войну, осаду, гибель города и долгое возвращение. Её красота не исчезла, но в ней больше не было беспечности. Елена взглянула на гостя и сразу поняла.

— Перед нами Телемах, — сказала она. — Сын Пенелопы и Одиссея.

Телемах подтвердил. При имени отца на него обрушилось столько чувств, что он отвернулся и прикрыл глаза плащом. Менелай тоже заплакал, вспомнив погибших друзей и брата. Писистрат вспомнил своего брата Антилоха, павшего под Троей. Даже праздничный зал на время стал похож на дом скорби.

Елена велела служанке добавить в вино снадобье, привезённое из Египта. Оно не стирало память, но смягчало боль, позволяя говорить о прошлом без того, чтобы каждый рассказ превращался в плач.

— Я видела Одиссея в Трое, когда никто из греков не мог его узнать, — начала Елена. — Он избил себя, надел грязные лохмотья и вошёл в город под видом беглого раба. Я распознала его, но поклялась молчать. Он расспросил меня о троянской страже, а ночью убил нескольких воинов и вернулся к своим. Никогда не встречала человека, который умел бы так владеть лицом и голосом.

Менелай рассказал другую историю.

— Когда деревянного коня втащили в город, мы сидели внутри, не смея пошевелиться. Ты, Елена, подошла к нему и стала звать каждого из нас голосом его жены. Ты подражала им безупречно. Некоторые едва не ответили. Одиссей зажал рот одному из воинов и удерживал, пока ты не ушла. Если бы не он, замысел погиб бы в ту ночь.

Телемах слушал. Отец, которого он знал только по обрывочным рассказам, становился всё реальнее и всё недостижимее.

На следующий день Менелай отвёл юношу в тихую часть сада.

— Теперь расскажу то, ради чего ты приехал. По дороге домой меня надолго задержали ветры у берегов Египта. На острове Фарос мы оказались без пищи. Тогда морская богиня Эйдоея помогла мне поймать её отца, старца Протея. Он менял облик: становился львом, змеей, водой, деревом. Мы удерживали его, пока он не принял настоящий вид и не заговорил.

Менелай сделал паузу.

— Протей рассказал о судьбах греческих вождей. Я узнал о гибели Агамемнона, о смерти Аякса и об одном живом человеке, который не мог вернуться домой. Это был Одиссей. Нимфа Калипсо держала его на острове. У него не было ни корабля, ни спутников.

Телемах резко вдохнул.

— Он был жив?

— Когда Протей говорил со мной, да. С тех пор прошло время, и я не могу обещать большего. Но это первая надёжная весть, которую ты получил.

Для Телемаха мир изменился. До сих пор надежда была только желанием. Теперь у неё появилось место: далёкий остров Калипсо.

Менелай предложил гостю остаться на одиннадцать или двенадцать дней, обещал подарки, коней и колесницу. Телемах поблагодарил, но отказался от коней: на каменистой Итаке им негде было бы бегать. Он согласился принять чашу тонкой работы, чтобы помнить о Спарте.

Пока Телемах получал вести, на Итаке женихи узнали о его отплытии. Ноэмон спросил, когда юноша вернёт корабль, и этим невольно раскрыл тайну. Антиной пришёл в ярость.

— Он обманул нас у самого стола, — сказал он. — Если вернётся с поддержкой Нестора или Менелая, станет опасен. Перехватим его в проливе.

Женихи выбрали быстрый корабль и лучших гребцов. Они решили устроить засаду у островка Астерис, лежавшего на пути к Итаке.

Пенелопа узнала обо всём от глашатая Медонта. Сначала она не поверила, что Телемах уехал, не простившись. Затем страх лишил её сил.

— Мне мало одного пропавшего? — сказала она Эвриклее. — Теперь море забрало сына.

Кормилица призналась, что помогла приготовить припасы, но уверила: Телемаха ведёт добрая воля богов. Пенелопа поднялась в верхнюю комнату и стала молиться Афине.

После разговора с Менелаем Телемах вышел во внутренний двор. Там росли деревья, привезённые из разных земель. В клетках держали редких птиц, а рядом с конюшнями стояли египетские сосуды. Богатство рассказывало о странствиях царя не хуже слов.

Елена нашла юношу у колонны.

— Тебе стало легче после вести о Калипсо? — спросила она.

— Я знаю, что отец был жив несколько лет назад. Это не то же самое, что знать о нём сейчас.

— Ни одна весть не отменяет расстояния. Но теперь у твоей надежды есть основание.

Телемах хотел спросить Елену, почему она уехала с Парисом и сколько людей погибло из-за её решения. Вопрос казался грубым, но молчание не делало прошлое менее настоящим. Елена заметила его колебание.

— Люди будут рассказывать обо мне разные истории, — сказала она. — В одних я жертва, в других предательница. Иногда сама не знаю, какая история ближе. Война превращает человека в символ, а символу не позволяют противоречить самому себе.

— Так же говорят об Одиссее.

— Поэтому тебе нужно встретить не героя песни, а отца. Если он вернётся, вы оба обнаружите, что ждали разных людей.

В ту ночь Телемах понял, что дома победителей Троянской войны не были счастливыми памятниками победе. В Пилосе помнили погибшего Антилоха. В Спарте за золотом и праздником жили вина Елены и усталость Менелая. Возвращение не стирало войну, а переносило её последствия под семейную крышу.

Он лёг рядом с Писистратом. В соседнем зале ещё звучала свадебная музыка. Телемах думал о Пенелопе, окружённой женихами, и о женщине, которую Менелай вернул после десяти лет войны. Ни одну из них нельзя было назвать простой наградой мужчины. Обе прожили собственную историю, пока мужья сражались или странствовали.

Ночью богиня послала ей сон в облике сестры. Видение сказало, что Телемах находится под защитой. Пенелопа спросила об Одиссее, но сон не ответил.

Даже богиня не обещала того, что ещё должно было быть добыто страданием.

Песнь пятая. Плот на открытом море

На Олимпе боги снова заговорили об Одиссее. Афина напомнила Зевсу, что царь Итаки уже много лет удерживается вдали от дома, тогда как женихи разоряют его дворец и готовят убийство Телемаха.

Посейдон, главный противник Одиссея, в это время находился далеко, у эфиопов. Зевс решил, что настал момент отпустить странника. Он послал Гермеса на остров Огигию к нимфе Калипсо.

Остров был прекрасен. Вокруг пещеры Калипсо росли тополя, кипарисы и пахучий кедр. В лозах гнездились птицы, четыре ручья разбегались по цветущим лугам. Даже бессмертный Гермес остановился, поражённый этим местом.

Калипсо сидела у ткацкого станка и пела. В очаге горел кедр, наполняя пещеру ароматом. Она узнала посланника богов и предложила ему пищу.

— Зевс велит тебе отпустить Одиссея, — сказал Гермес. — Ему не суждено погибнуть здесь. Он должен вернуться на Итаку.

Лицо Калипсо потемнело.

— Боги завидуют богиням, если те выбирают смертного, — ответила она. — Когда бог берёт себе смертную женщину, никто не требует отпустить её. Я спасла Одиссея после кораблекрушения, кормила его, предлагала бессмертие. Теперь мне приказывают отправить его в море без корабля и людей.

— Приказ Зевса не обсуждают.

Гермес ушёл. Калипсо нашла Одиссея на берегу. Он сидел на камне, глядя в сторону, где, как ему казалось, должна находиться Итака. Ночами он спал рядом с нимфой, но дни проводил у моря. Красота острова стала для него золотой клеткой.

— Ты можешь отправляться домой, — сказала Калипсо.

Одиссей посмотрел на неё с недоверием.

— После семи лет ты решила отпустить меня в тот день, когда море спокойно? Это ловушка?

— Мне велено помочь тебе. Построй плот. Я дам инструменты, ткань для паруса, пищу, воду и укажу путь.

— Поклянись, что не замышляешь моей гибели.

Калипсо рассердилась, но поклялась водами Стикса, самой страшной клятвой для бессмертных.

Вечером она снова предложила ему остаться.

— Я могу сделать тебя бессмертным. Пенелопа стареет. Ты помнишь её молодой, но время не щадит смертных. Разве она может сравниться со мной?

Одиссей ответил осторожно:

— Ты прекраснее, и я знаю, что Пенелопа смертна. Но я хочу домой. Хочу увидеть дым над своей землёй, даже если после этого мне суждено умереть.

Во время строительства плота Одиссей работал почти без слов. Калипсо иногда приносила воду и садилась неподалёку. Они прожили рядом семь лет, но теперь каждое движение подчёркивало расстояние.

— Когда ты вспоминаешь Итаку, что видишь первым? — спросила она.

Одиссей ожидал вопроса о Пенелопе, но ответ пришёл иной:

— Дым над домами. Каменную тропу от гавани. Оливу во дворе. Места, которые человек замечает только после потери.

— А меня будешь помнить?

— Да.

Это короткое слово было честнее обещаний. Он не мог назвать годы на Огигии ни счастьем, ни одним пленом. Калипсо спасла его, кормила, делила с ним постель и не позволяла уйти. Благодарность и обида существовали одновременно.

В следующие четыре дня он валил деревья, обтёсывал брёвна, скреплял их и строил высокий настил. Калипсо принесла сверло, топор и плотницкие инструменты. На пятый день плот был готов. Нимфа дала ему одежду, мех с вином, воду и корзины с пищей. Перед отплытием вымыла его и последний раз посмотрела так, будто надеялась, что он передумает.

Семнадцать дней Одиссей плыл, ориентируясь по звёздам. Он не выпускал румпеля из рук, почти не спал и видел только воду. На восемнадцатый день показались горы земли феаков.

В море плот постоянно требовал внимания. Дерево набухало, канаты ослабевали, запас воды нужно было беречь. Одиссей считал дни по восходам и ночам, ориентировался по звёздам. После долгой неподвижности простая работа возвращала ощущение собственной воли.

Тогда вернулся Посейдон.

Он увидел Одиссея и понял, что остальные боги воспользовались его отсутствием.

— Значит, ты всё-таки идёшь домой, — произнёс бог моря. — Посмотрим, сколько страдания поместится между тобой и берегом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.